

**РЕЧЕВОЙ АКТ «ОБЕЩАНИЕ, КЛЯТВА»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ,
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Н.Ш. Галлямова

Аннотация. Дается подробный функционально-прагматический анализ речевого акта «обещание, клятва», включающий рассмотрение тех семантических и прагматических правил, выполнение которых является гарантией успешного его осуществления. Рассмотрены некоторые аспекты национально-культурной специфики данного акта.

Ключевые слова: речевой акт; интенция; иллокутивная цель; номинации интенций; интенционально-семантическая группа; интенциональное семантико-прагматическое поле; функционально-прагматический анализ.

Аксиомой стало утверждение о том, что ядром, центробежной силой любого речевого акта, или, в другой терминологии, элементарного речевого жанра (о соотношении понятий *речевой акт*, *речевой жанр* см. в работах [1–3]), является его интенция, иллокутивная цель. Поэтому описание того или иного речевого акта есть, в сущности, описание соответствующей интенции. На протяжении ряда лет нами разрабатывается методика подобного описания, которая сводится к анализу интенции с позиций средств ее номинации, прагматических особенностей и правил функционирования в реальном процессе коммуникации, а также с точки зрения возможных способов речевой реализации в реальной речевой деятельности [2–5]. Думается, что подобный подход позволяет получить довольно целостное представление о той или иной интенции как единице, в которой диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое содержание. Это, в свою очередь, дает представление о специфике функционирования соответствующего речевого акта в процессе реальной коммуникации и позволяет получить его наиболее полный речевой «портрет».

Номинации интенций

Функцию номинаций речевых интенций коммуникантов выполняют как глаголы, так и существительные, отражающие различные аспекты речевого поведения. Тестом для выявления таких единиц является: а) наличие семы «говорить», т.е. идея речепроизводителя; б) обозначение процесса или продукта речевого действия, соотносимого с прагматическим типом иллокутивного акта (идея «речевого выражения»); в) направленность на адресата. Первые две семы являются для данных единиц обяза-

тельными. Например, требовать – требование, обещать – обещание, просить – просьба, восхищаться – восхищение. При этом глаголы обозначают процесс совершения речевого акта, а существительные – результат.

Кроме рассмотренных, существуют речевые акты, коммуникативное намерение которых принципиально не может быть передано отдельной лексемой: глаголом либо существительным. Так, высказывание «Как вы сегодня хорошо выглядите!» несет в себе интенцию, которой не соответствует какой-либо интенциональный глагол. Продукт данного речевого акта может быть выражен словом *комплимент*, а коммуникативное намерение, цель данного высказывания – глагольным сочетанием *сделать комплимент*. К таким высказываниям относятся выражения различных эмоций, психологических состояний, отношений, акты интеллектуально-мыслительной деятельности. Действительно, эмоционально-оценочные глаголы и существительные указывают не на речевое действие говорящего, а на его чувства, психологическое состояние, глаголы интеллектуально-мыслительной деятельности отражают различные его ментальные состояния, мыслительные операции. Поэтому строго терминологически обозначением коммуникативных намерений данных речевых актов будут не слова *удивляться, восхищаться, полагать, думать*, а соответствующие глагольно-именные словосочетания интенционального характера *выражать/выразить удивление, выражать/выразить восхищение, высказывать/высказать предположение, высказывать/высказать собственное мнение* и т.п.

Таким образом, функцию номинаций речевых интенций коммуникантов, кроме интенциональных глаголов и существительных, отражающих различные аспекты речевого поведения, могут выполнять перифразы соответствующего интенционального характера с глаголами *выражать/выразить, высказывать/высказать, давать/дать, делать/сделать* (более подробно о контексте выбора того или иного глагола см. в [6. С. 645–646]).

Глаголы *обещать, клясться*, определяющие метасловарь речевого акта «обещание, клятва», отвечают всем требованиям, предъявляемым к номинациям речевых интенций. Более того, это классические перформативы, поскольку произнесение фразы, содержащей указанные глаголы в форме 1-го л. ед. ч. настоящего времени, равносильно осуществлению речевого действия:

– *Клянись мне, что вы тотчас пошлёте за мною, когда бы то ни было, днём, ночью; пишите записку прямо ко мне... Мне всё равно теперь. Слышите ли вы? Обещаетесь ли вы это сделать?*

– *Обещаюсь, перед богом.*

– *Поклянись.*

– *Клянусь* (И.С. Тургенев «Накануне»).

Реальное речевое общение, особенности конкретной коммуникативной ситуации реализации данного речевого акта могут модифицировать инвариантное интенциональное содержание, обуславливая появление вариантов, различающихся прагматическими оттенками интенцио-

нального содержания. Эти варианты получают в языке собственное обозначение. Таким образом, создается совокупность языковых единиц, связанных между собой общим интенциональным смыслом, которая условно была названа нами интенционально-семантической группой.

Интенционально-семантическая группа (ИСГ) – это системное образование синонимических единиц межуровневой принадлежности, объединенных общностью иллокутивной цели и функционирующих в языке как номинации определенной речевой интенции [2. С. 76–78]. Так, ИСГ «обещание, клятва» включает в себя следующие единицы: обещание, обещать, давать/дать обещание, обещаться (прост.); обязательство, обязываться, давать/дать (брать/взять) обязательство; давать/дать честное слово, давать/дать слово; посул, сулить/посулить 1 (цифрой обозначается порядок значения по словарю С.И. Ожегова. – *Н.Г.*), пообещать; гарантия, гарантировать, заверять; ручательство 1, порука, ручаться, брать/взять на поруки, дать/давать поруку (уст.); клятва 2, клясться, давать клятву; божба, божиться, целовать крест; присяга, присягать, давать присягу; обет, давать обет; зарок, зарекаться, давать зарок, закаяться, закаиваться; заключать, держать пари, ударить (ударять)/бить по рукам; договор, заключать/подписывать договор; контракт, заключать/подписывать контракт; соглашение 2, заключать/подписывать соглашение; сделка, заключать/подписывать сделку; перемирие, заключать/подписывать перемирие, заключать/подписывать мир; договориться, сговориться, условиться; сговор 2, сговориться 1, заключить сговор 2; сговор 1, сговорить, заключить сговор.

Общий интенциональный смысл, объединяющий анализируемую группу, – «взять на себя обязательство сделать что-либо». Не всегда указанная сема прямо содержится в словарных дефинициях. Как отмечают исследователи, значение, реализуемое в коммуникативном акте, не всегда сводится к небольшому числу ядерных сем, выполняющих дифференциальные функции в структуре языка. Оно включает обширную периферию, образуемую семантическими компонентами, которые не выполняют дифференциальных функций в системе лексических оппозиций, хотя оказываются чрезвычайно важными для коммуникации и часто актуализируются в речи [7. С. 82–83]. В результате состав групп формировался с опорой не только на словарные определения (статический аспект), но и на потенциальную возможность толкования слов и словосочетаний (или отдельных их значений) с учетом их функционирования в контексте реальной речевой коммуникации (динамический аспект). Дополнительным тестом для включения тех или иных номинаций в ИСГ служили примеры, где данные единицы употреблялись в значении «обещать, пообещать»: *Я мамке дал зарок не жениться, – произнес он* (Юрий Мамлеев «Конец света/Дикая история»); *– За то, что вы нас сразу поняли, и доверились, и идете к нам, я отныне даю присягу быть вашим рыцарем, защищать вас от всяких невзгод, а если кто-нибудь посмеет что-нибудь лишнее – ото-*

рву голову и суну ему под мышку (А.Т. Аверченко «Шутка мецената»); *Клятвенно присягаю сохранить ваши письма в секрете* (Владимир Рещептер «Узлов, или Обращение к Казанове») и др.

Следует сказать, что единицы ИСГ неравнозначны с точки зрения эксплицитности, силы отраженной в них интенции. Налицо полевая организация данных объединений, образующих центр и периферию. Ядром ИСГ выступают номинации интенций, где данный интенциональный смысл выражен наиболее сильно, является доминирующим: *Дать (давать) обещание, давать (дать, принести) клятву, дать (давать) слово* и т.п., на периферии же находятся интенции, где данный интенциональный смысл осложнен другими интенциональными значениями: *гарантировать, ручаться, заключать соглашение, договориться, условиться* и др. Интенции, находящиеся на периферии, могут входить в ядро других ИСГ.

Уже беглый взгляд на представленные единицы показывает, что отобранные интенции не являются абсолютно синонимичными. Так, например, *обещать* – это не то же самое, что *давать зарок* или *гарантировать*. Таким образом, внутри ИСГ наблюдается выделение отдельных подгрупп, интенции которых отличаются от интенций других подгрупп или условиями реализации, или направленностью коммуникативного акта (обещание направлено на адресата, а зарекаться – на самого себя), или степенью интенсивности, напряженности и т.п. Выделение данных подгрупп – есть собственно функционально прагматическое описание.

Прагматические правила функционирования интенций

Итак, функционально-прагматический аспект того или иного речевого акта есть описание тех условий и правил (внеязыковых установлений), выполнение которых обуславливает успешность реализации и функционирования данного речевого акта в реальном речевом общении. При анализе мы пользовались параметрами, которые используются в практике лингвистических описаний: 12 лингвистически значимых параметров, предложенных Дж.Р. Серлем для различения иллокутивных актов, «условия успешности» [6; 8–10 и др.], «анкета» речевого жанра Т.В. Шмелёвой [11]), а также собственные наблюдения.

Выделяют родовые коммуникативные смыслы, являющиеся общими для всех интенций данной ИСГ, и видовые, индивидуальные коммуникативные смыслы, присущие отдельным вариантам указанного речевого акта. Рассмотрим те и другие.

Родовой набор коммуникативных смыслов (условия успешности):

– говорящий (X), осуществляя определенное речевое действие, берет на себя обязательство перед слушающим (У) или перед самим собой совершить нечто (Р);

– пропозициональное содержание таких высказываний состоит в том, что говорящий (X) совершит некоторое будущее действие (P) (сделает так, чтобы мир соответствовал словам);

– психологические состояния (условия искренности), выражаемые говорящим, заключаются в том, что говорящий собирается осуществить некоторое действие (P);

– предварительные и существенные условия, необходимые для осуществления речевого акта «обещание, клятва», следующие: а) X в состоянии совершить P; б) X считает P полезным для Y или для себя; в) X и Y считают, что P не относится к числу событий, которые произойдут сами собой.

Мотивом интенции X может быть: а) желание, просьба, требование Y; б) затруднительная для Y или для Y и X одновременно ситуация, изменение которой предполагает участие X или Y или их обоих одновременно; в) долг X перед Y (X считает себя должным перед Y или имеет с ним определенную договоренность).

«Обещание, клятва» – конвенциональный речевой акт. Конвенциональные установления (правила, законы, принципы, норм и т.п.), или социальная пресуппозиция данного речевого акта, включает следующие моменты:

1. Если X что-то обещает Y, то между ними должна присутствовать хотя бы некоторая степень знакомства (мы не можем обещать что-либо и тем более клясться в чем-либо совершенно незнакомому человеку).

2. Давая слово, говорящий берет на себя определенные обязательства перед адресатом по выполнению предполагаемого действия. Эти обязательства накладывают на говорящего определенную меру ответственности: в случае невыполнения обещания адресат имеет право принимать соответствующие меры: наказывать, стыдить, осуждать, предавать огласке неблагоприятный поступок (нарушение слова) говорящего и т.п. Это право обусловлено не юридическими законами, а социальными – этикой.

3. Говорящий, в случае невыполнения обещания, может лишиться доверия, которым он пользуется у адресата, и не только у него, но и у окружающих. Это то, что в терминах примитивов сформулировано А. Вежбицкой следующим образом: «Я знаю, что, если я не сделаю P, люди не будут верить, когда я буду говорить, что сделаю что-то» (цит. по: [10. С. 177]). Мы бы добавили: и будут осуждать или презирать меня за это.

Перечисленные смыслы относятся к тем общим знаниям, входящим в когнитивную базу говорящих, без которых невозможно успешное осуществление данного коммуникативного акта.

Если же продолжить анализ речевых интенций ИСГ «обещание, клятва» с точки зрения других параметров, то уже будут заметны отличительные признаки, т.е. последующий анализ позволит выявить набор частных, видовых коммуникативных смыслов, характерных или для отдель-

ных подгрупп анализируемой ИСГ, или для отдельных интенций, входящих в данную ИСГ.

Видовой набор коммуникативных смыслов:

1. Фактор адресанта и адресата. Рассматривая интенции ИСГ «обещание, клятва» с точки зрения говорящего и слушающего (см. пятый параметр Дж.Р. Серля или образ автора и адресата по Т. Шмелёвой), мы выявили следующие особенности. Ситуация реализации речевого акта «обещание, клятва» в основном предполагает два обязательных члена: адресанта и адресата. При этом направленность речевого акта может быть различной. Есть интенции, которые могут обозначать акт, где адресант и адресат – разные лица, так и акт, где адресант и адресат – одно и то же лицо – говорящий, т.е. поклясться, пообещать и дать слово можно и другому и самому себе. К таким двунаправленным речевым актам относятся интенции *обещать, дать (давать) обещание, клясться, дать (давать) клятву, дать (давать) слово, обязаться, клятвенно обещать* и некоторые другие. Как правило, когда данные интенции направлены на самого адресанта, они сопровождаются конкретизаторами: *покаялся в душе, дал обещание самому себе, покаялся перед самим собой, пообещал самому себе* и пр.:

В его душе будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и он хотя и дал, наконец, после мучительных колебаний, согласие жениться на «скверной женщине», но сам поклялся в душе горько отомстить ей за это... (Ф.М. Достоевский «Идиот»); Он не пьет – сам себе дал обет, ни во что не играет, с детьми гуляет няня... (Рада Полищук «Портреты» // Вестник США. 2003. 12 окт.).

К интенциям, где и автор и адресат только одно лицо – автор, относятся интенции *закаяться, заречься – «дать себе слово, зарок не делать чего-либо впредь»:*

*Помилуйте, я, говорит, теперь **закался**: капли в рот не беру (Слепцов «Трудное время»).*

И я себе дал зарок, что, если в течение года не найду смысла жизни, я покончу жизнь самоубийством, потому что я не согласен жить для бессмысленного, бесцельного счастья (митрополит Антоний (Блум) «Без записок»).

И, наконец, к интенциям, где автор и адресат только разные лица, и коммуникативный акт направлен только на адресата, относятся интенции *сулить, посулить, побожиться, божиться, присяга, присягать, обет, дать обет, поручительство, поручиться, гарантия, гарантировать, дать гарантию, заверять.*

*– Припомню, как **сулила**, обещала любить меня и быть моей женой. (А.Н. Островский «Кузьма Захарьич Минин-Сухорук»); **Заверяю тебя**, поминки справлю на высшем уровне, стол порадует твоих подружек (Дарья Донцова «Микстура от косоглазия»).*

Кроме рассмотренных в данной ИСГ, есть интенции, в которых направленность интенциональной силы «круговая», одновременная: когда

каждый участник коммуникативной ситуации выступает одновременно и в качестве адресанта и в качестве адресата. Это такие интенции, как *заключать/подписывать договор, контракт, соглашение, сделку, перемирие, договориться, сговориться, условиться, ударить(ударять)/бить по рукам, сговор 2, сговориться 1, заключить сговор 2, заключать/подписывать мир, заключать/держат пари*. Общий интенциональный смысл данных интенций – «взаимное обещание (обязательства) сторон по отношению к чему-либо»: *В общем, давай таким макаром: ты сообщаешь мне про эту важную особу, я тебе – про красный зонтик. По рукам?* (Левонид Юзефович «Дом свиданий»).

Если рассматривать интенции данной ИСГ с точки зрения активности участников данного коммуникативного акта, то доминирующая роль в них принадлежит говорящему субъекту – адресанту. Несмотря на обязательное присутствие адресата, речевое действие замыкается на говорящем, так как интенции данной ИСГ реализуются, как правило (за исключением последней группы), самим обещающим. Адресат – ты – пассивен, он не участвует в осуществлении данного речевого действия, а обозначает только его пределы. Перлокутивный эффект таких актов не является обязательным и отсрочен во времени, т.е. осуществление намерения говорящего возможно вне речевого акта, по его завершении в каком-либо обозримом будущем. Поэтому говорят об аутореферентности и самоверифицируемости данных речевых актов.

2. Статус говорящего и адресата. Очень важным как с прагматической, так и с лингвистической точек зрения является анализ интенций с точки зрения статусов говорящего и слушающего. Выбор формальных языковых способов выражения обещания (прежде всего выбор перформативного глагола как показателя иллокутивной силы высказывания) диктуется совокупностью факторов социолингвистического характера: распределением коммуникативных и социальных ролей; характером отношений – официальные/неофициальные; ситуацией общения и др.

При несимметричных отношениях (когда $P_x > P_y$ или $P_x < P_y$) возможны не все речевые акты, мотивированные интенциями анализируемой ИСГ. Эти ограничения соблюдаются, в первую очередь, при официальных отношениях. Официальность обстановки общения характеризуется тем, что обязательным компонентом коммуникативной ситуации является должностное лицо, позиционно занимающее приоритетную позицию. Эта позиция не позволяет говорящему, например, *божиться, клясться, давать зарок, давать обет, сулить, заключать пари, зарекаться*: **Начальник побожился перед сотрудниками...* Это не логическая и не языковая аномальность, это, в терминологии Л.П. Крысина [12. С. 162–164], пресуппозитивная неправильность, когда происходит нарушение, отклонение от норм. Могут быть и исключения, например, если говорящий и слушающий – приятели, то вне рабочей обстановки, при «возврате» к приятельским отношениям, степень речевой свободы может возрастать.

При симметричных отношениях, когда роли обоих участников ситуации равны ($P_x = P_y$), возможно использование всех речевых интенций ИСГ «обещание, клятва». Функционирование их регулируется лишь официальным/неофициальным регистром общения.

3. Внеязыковые установления. С социальным аспектом коммуникации связан и десятый параметр Дж.Р. Серля – анализ речевых актов с точки зрения учета внеязыковых установлений: требуются ли для успешного осуществления речевых актов, мотивированных интенциями анализируемой ИСГ, какие-либо специальные внеязыковые установления. Анализ интенций ИСГ «обещание, клятва» с точки зрения данного параметра показал, что для большей части интенций никаких специальных внеязыковых установлений не требуется. *Обещать, клясться, зарекаться, давать слово* можно в любых условиях, в любой обстановке, и делать это не возбраняется никому. Такие же интенции, как *присягать, давать присягу, давать обет, заключать контракт, заключать договор, держать, заключать пари и т.п.* – мотивируют речевые акты, реализация которых обеспечивается определенным соотношением речевых и неречевых действий. Это так называемые институализованные ритуальные речевые акты: речевое действие признается успешным только тогда, когда выполняется ряд необходимых обстоятельств и действий. Так, давать присягу можно только при наличии у говорящего и адресата специальных полномочий, осуществляться данный речевой акт должен в особом месте и в особых условиях (ср., например, процедуру воинской присяги, обряд обета безбрачия у священников-католиков; Библия или Евангелие при присяге, которую дают свидетели на суде и др.). Пари чаще всего заключается в присутствии третьих лиц, которые выступают в роли свидетелей, оно же (третье лицо) «разбивает» руки заключающих пари, т.е. производятся обязательные, ритуализованные неречевые действия.

4. Степень ответственности. Не все речевые интенции ИСГ «обещание, клятва» равнозначны с этой точки зрения. Например, такие интенции, как *клясться, божиться, присягать, давать/брать обязательство, давать обет, гарантировать, ручаться, заключать/подписывать договор, заключать/подписывать контракт, заключать пари* предполагают большую долю ответственности говорящего. Так, нарушение *присяги* (дезертирство, предательство Родины, нарушение присяги при даче показаний в суде и т.п.) преследуется законом, влечет за собой определенное наказание; нарушение *обязательств, договора, контракта, поручительства* может повлечь за собой судебное разбирательство; нарушение *клятвы, обета* предполагает наказание со стороны высшей силы.

Интенции же *обещать, давать обещание, давать слово, сулить, заверять* предполагают только морально-этическую ответственность говорящего. Однако нельзя сказать, что последние интенции абсолютно равнозначны с точки зрения данного параметра. Наиболее «легковесной» с этих позиций представляется интенция *сулить, посулить*, не предпола-

гающая, по мнению адресата, серьезного намерения со стороны говорящего сделать обещанное. Адресат испытывает недоверие к словам говорящего: *Произнес, как водится, на АвтоВАЗе несколько речей, послужил автомобилестроителям «хорошую жизнь, если все будем хорошо трудиться»* (Борис Грищенко «Посторонний в Кремле»); *Он посулил им очень большие оклады, роскошную квартиру, кремлевские льготы...* (Артем Тарасов «Миллионер»). Сема легковесности, несерьезности намерения адресанта интенции *судить* подтверждается данными, полученными при анализе русских пословиц и поговорок: *Посулы примать – не устать ждать. Посуленное ждетя. Посуленное данному не ближняя родня. На посуле, что на стуле: посидишь, да и встанешь* и т.п.

Обещание же связано с понятием чувства долга, чести, достоинства. Особенность русского менталитета по отношению к понятию «слово», «обещание», самым непосредственным образом связанного с понятием «честь», хорошо продемонстрирована Н. Михалковым в его фильме «Сибирский цирюльник»: *«Здесь могут убить, обмануть, ограбить, но порою данное кем-то слово может цениться дороже бумаги с сургучной печатью, а неосторожно сказанное – привести к кровопролитию...»*. Особенно четко эта идея отражена в пословицах, поговорках и афоризмах, например: *Честь чести и на слово верит. Лучшие споткнутся ногою, нежели словом. Что сказано, то свято. Что сказано, то и сделано. Слово – олово (т.е. тяжело, веско). Слово лучше (крепче) печати. Кто в кони пошел, тот и воду вози. Взятся за гуж, не говори, что не дюж. Не молвя, крепись, а молвя, держись!* (По материалам сборника В. Даля «Пословицы русского народа»). Однако, с другой стороны, обещание – не юридический документ: за невыполнение его голову не снесут, например, *Обещанного три года ждут. От слова до дела – сто перегонов и др.*

5. Степень самостоятельности высказывания (соотнесенность с остальной частью дискурса). Речевые акты, обусловленные иллокутивными смыслами интенций ИСГ «обещание, клятва», как правило, иллокутивно зависимые речевые акты, т.е. акты, иллокутивное назначение которых всецело определяется либо иллокутивным назначением предшествующей реплики, либо предшествующей коммуникативной ситуацией. Чаще всего пропозиция высказывания вводится союзом *что*:

– *Вы не оставите меня, генерал, не уйдете?*

– *Я даю вам слово, что он придет к вам сам, но теперь он нуждается в отдыхе* (Ф.М. Достоевский «Идиот»).

– *Даю вам честное слово, что мы не будем делать ничего, окунемся в безделье, которое для Вас так здорово* (А.П. Чехов / Переписка А.П. Чехова // А.Н. Плещееву).

Таким образом, соотнесение высказывания, содержащего интенцию ИСГ «обещание, клятва», с остальной частью дискурса (седьмой параметр Дж.Р. Серля) – необходимое условие для всех интенций ИСГ «обещание, клятва».

6. Невербальная характеристика. Что касается девятого параметра (осуществление речевых актов речевыми или неречевыми средствами), интенции ИСГ «обещание, клятва» не могут быть выражены неречевыми средствами, хотя некоторые из них в качестве обязательного компонента содержат невербальные средства. Так, интенции *целовать крест, божиться* обязательно сопровождаются соответствующими неречевыми действиями, интенция *заключать пари* сопровождается разбиванием рук спорящих, такие конвенциональные речевые акты, как *давать присягу, давать обет, заключать договор, контракт*, требуют, как уже было отмечено, определенной конвенциональной процедуры, включающей в себя кроме произнесения определенных слов определенными лицами в определенных обстоятельствах определенные ритуализованные неречевые действия.

7. Устная/письменная сферы употребления. Большинство интенций рассматриваемой ИСГ могут реализовываться и в устной и в письменной речи. Такие же интенции, как *заключать договор, контракт, соглашение* функционируют в основном в письменной сфере общения. Причем, если интенция *заключать договор, соглашение, перемирие* все же допускает устное употребление, например: *мы заключили устный договор (устное соглашение)*, то интенция *заключать контракт* реализуется только в письменной форме.

8. Степень интенсивности. Высказывания, преследующие одну и ту же иллокутивную цель и имеющие одинаковое пропозициональное содержание, могут различаться лишь стилем или энергичностью, силой, с которой эта иллокутивная цель подается (данный вопрос Дж.Р. Серль рассматривает в четвертом и двенадцатом параметре). Например: *Я обещаю сделать это, Я торжественно клянусь сделать это и Вот те крест – сделаю!* При этом если речевой акт обещания имеет нейтральную стилистическую окрашенность, то речевой акт клятвы – экспрессивную стилистическую окрашенность:

*И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!*

(А. Ахматова «Клятва»).

Такие речевые акты, как *обещать, давать слово, давать обязательство, присягать, гарантировать, ручаться* употребляются как в официально-деловой, так и в разговорной речи, а речевые акты *клясться, давать зарок, зарекаться, закаяться, сулить, божиться* – в разговорной речи.

Особое место с точки зрения набора прагматических смыслов занимает в анализируемой ИСГ интенции *клясться, божиться, целовать крест*. Названные интенции включают в себя как минимум две коммуникативные ситуации:

1. Усиленное, торжественное обещание в условиях, когда Х не верит У, или когда Х трудно поверить, что Р: *Катенька, я тебе обещаю, Христом-Богом клянусь, заброшу все дела и все сделаю, чтобы ты наконец счастливо вышла замуж* (Александр Савельев «Аркан для букмекера»).

2. Торжественное уверение Х в истинности сообщаемой У информации: *Он взял крест. – Клянусь на кресте! Я тебя любил* (Эдвард Радзинский «Княжна Тараканова»).

Общим для этих двух ситуаций является то, что говорящий как бы берет в свидетели некую высшую силу, которая, в случае невыполнения обещания, клятвы, может покарать говорящего. Первое значение оставляет данную интенцию в ИСГ «обещание, клятва», второе значение обосновывает включение данной интенции в ИСГ «убеждать, уверять».

Итак, нами был осуществлен прагматический анализ интенций ИСГ «обещание, клятва», позволивший рассмотреть наиболее тонкие отличия, определяющие прагматические варианты рассматриваемых интенций.

Речевая реализация интенции

Реализация речевого акта «обещание, клятва», как и любого другого, вызывает употребление целой системы языковых и речевых средств, объединенных функционально и семантически. Центральное, ядерное положение в поле средств выражения данного коммуникативного акта занимают прямые речевые акты, перформативные конструкции *Я (тебя/Вам) обещаю/клянусь* и пр., которые однозначно позволяют отличить данный речевой акт от других на формальном уровне. Эта перформативная формула не имеет «жестких» средств поверхностной манифестации, она может усложняться, расширяться или же, напротив, редуцироваться (более подробно об этом см. в [13. С. 211]).

Анализируя особенности речевой реализации рассматриваемого коммуникативного акта, мы отметили следующие возможные модификации перформативных высказываний. Прежде всего, это собственно прямые речевые акты, содержащие в своей структуре в качестве индикаторов соответствующие перформативные глаголы – см. предыдущие примеры, а также: *Клянусь, – говорит, – все по-иному будет* (В. Кетлинская «Иначе жить не стоит»); – *Если надо для дела, я обязуюсь играть не столь талантливо, – пообещала Раневская* (Дмитрий Щеглов «Последнее лето Папанова» // «Совершенно секретно». 2003. 3 апр.); – *Не пишите больше! – попросил пришедший умоляюще. – Обещаю и клянусь! – торжественно произнёс Иван* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»); *Будешь покладистой, через год станешь официанткой. Гарантирую!* (Мириам Гамбурд / Рассказы // Звезда. 2002. № 11).

Перформативное употребление в качестве показателя иллюкутивной цели речевого акта возможно для следующих глаголов-номинаций: *обещать, обязываться, гарантировать, ручаться, заверять, клясться, заре-*

каться, а также для глагольных словосочетаний *давать слово, давать честное слово, давать обещание, давать/брать обязательство, давать обет, давать присягу* (*Даю присягу верности и чести...*), *давать зарок, давать поруку* (*уст.*), а также: «*Розочка, даю слово, что ты будешь ходить в кожаном пальто с воротником из ламы!*» (Виктор Слипечук «Зинзивер»); *Даю честное слово, я больше никогда не буду врать, только прошу – никому не рассказывай* (В.П. Беляев «Старая крепость»); *Раставаясь с вами, я даю обещание посещать вас сколько можно чаще* (В.Т. Нарезный «Два Ивана, или Страсть к тяжбам»); *Впрочем, даю обязательство больше надувательством не заниматься* (А.А. Бек «Талант (Жизнь Бережкова)»); *В ответ на нее я беру обязательство выполнить в мае две месячных программы* (Новости // Известия. 1945. 9 мая); *Даю обет вам ныне – постоянно Послушной быть и в мыслях и делах* (А. Пушкин).

Во-вторых, к прямым речевым актам можно отнести и так называемые семантические перформативы, равенство произнесения и действия которых осуществляется имплицитно, на глубинном уровне: *слово, честное слово: Будьте все вы свидетельницы, если кузнец Вакула принесет те самые черевички, которые носит царица, то вот мое слово, что выйду в тот же час за него замуж* (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»).

Однозначно понимаются как обещание высказывания, содержащие глагол в будущем времени, называющий пропозицию будущего действия: *...Помочь вам капельку искренно желаю, капельку, разумеется, то есть в виде необходимейшего... Местечко в канцелярии я вам приищу, не тугое, но потребует аккуратности* (Ф.М. Достоевский «Идиот»); *Александр сел, весь расплаканный, в повозку, а Евсей подошел к барыне, поклонился ей в ноги и поцеловал у ней руку. Она дала ему пятирублевую ассигнацию. – Смотри же, Евсей, помни: будешь хорошо служить, женю на Аграфене, а не то...* (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»).

Особой системой речевых средств реализации обладают интенции подгруппы «клятва»: *клясться, давать клятву, божиться*. Это, как правило, клишированные языковые единицы, в большинстве своем представляющие устойчивые фразеологизированные сочетания. Мы считаем, что их тоже можно отнести к прямым речевым актам, поскольку интенциональное значение их соотносится только с одним, определенным коммуникативным смыслом. Даже изолированно, вне контекста, иллокутивный смысл данных выражений прочитывается однозначно. Приведем примеры: *Живой не буду, на ток завтра приду...* (И. Акулов «Касьян Остудный»); *Никогда не пойду с вами рыбу ловить, будь я анафема!* – промолвил Костяков (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»); *Да отсохни у меня язык, если я у него попрошу хоть копейку!* (А.Н. Островский «Не в свои сани не садись»); – *Вот, нянюшка, – говорил он после, указывая в детской на образ, – разрази меня бог, если хоть каплю вина когда-нибудь вылью* (Н. Телешов «Дети»).

Анализ фразеологических словарей, художественной литературы, а также анализ текстов из Национального корпуса русского языка позволил выявить целый пласт подобных единиц. Следует сказать, что именно данные единицы в наибольшей степени несут национально-культурную информацию. Чем характерно клясться для русского народа? Клянутся собственной жизнью, жизнью своих детей, богом, святым богом, сыном (детьми), матерью, хлебом, землей, святою пятницей, крестом, силами небесными, глазами (пусть лопнут глаза), языком, руками и ногами (чтоб отсохли язык, руки, ноги), любовью, могилой (отца и матери), гробом, святым образом, громом, головой, животом, родиной и т.д.: – *Клянусь тебе своею жизнью, клянусь угаданным тобою сыном звездочёта, всё будет хорошо* (М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»); *Слушай сюда, глупая, – сказал он ласково. – Ни беса лысого они со мной не сделают. Клянусь тебе честью! Честью своей и твоей клянусь* (Ю.О. Домбровский «Ручка, ножка, огуречик»); *Ну хлебом клянусь! – громко бубнил набитым ртом, а сам будто оглох* (Олег Павлов «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001. № 8); – *Скажу, только побожись, что не передашь ей этого, пока я не разрешу или... не умру. – Христом клянусь, не скажу* (Золото Ваньки Каина // Марийская правда (Йошкар-Ола). 2003. 20 янв.); *Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не будет продано!* (А.П. Чехов «Вишневый сад»); (Возбужденно.) *Счастьем моим клянусь! Вот тебе моя рука, назови меня тогда дрянным, бесчестным человеком, если я допущу до аукциона!* (А.П. Чехов «Вишневый сад»); *Но, как только у меня в руках окажется достоверная информация, я тут же свяжусь с вами, клянусь горячо любимой мамой!* (Н. Леонов, А. Макеев «Ментовская крыша»); – *Я не знаю, Александр Владимирович, – честно сказал Корабельников. – Как вы говорите – клянусь матерью? Страшная клятва! – Страшная клятва? Так вот, клянусь вам сыном. Думаю, эта клятва страшнее* (Дмитрий Быков «Орфография»).

Интересным в связи с этим представляется наблюдение Е.А. Красиной, которая сравнивает стандартные формы клятв в русском и арабском языках [14]. Автор считает, что в арабском мире традиционная клятва связывает говорящего субъекта **я** и адресата **ты**: *Клянусь твоей бородой. Клянусь твоей головой*, что способствует, по мнению Е.А. Красиной, распределению ответственности между участниками речевого акта или ситуации [Там же. С. 219]. В русских же клятвах, несмотря на то что акцент может переноситься с говорящего субъекта на другую сущность, другое лицо: *Клянусь своей матерью...; Клянусь детьми...*, ответственность с говорящего не снимается.

Известно, что интенции могут быть репликообразующими, т.е. реализоваться при помощи одного высказывания, и текстообразующими, реализующимися на уровне текста. Интенции ИСГ «обещание, клятва» могут реализоваться как на уровне одного высказывания, так и на уровне текста. В первом случае интенциональный компонент покрывает все перформа-

тивное высказывание, например *Клянусь! Честное слово! Обещаю!*. Интенция здесь равна модусной пропозиции, отражающей не внешний, а внутренний мир человека. Распространитель в данном случае факультативен. Однако такое выражение интенций встречается не так часто. В большинстве случаев интенциональная часть высказывания связывается с остальной частью дискурса, которая направлена на собственно пропозициональное событийное содержание, как правило, отражающее широкую ситуацию реализации речевого акта. Часто эта часть дискурса представляет собой придаточную часть предложения: – *Даю слово, что мы восстановим наш Петергоф* (К. Федин «Свидание с Ленинградом»); *Я вел себя вчера как свинья, и клянусь, что это больше не повторится* (Надежда Трофимова «Третье желание» // Звезда. 2003. № 3).

Кроме рассмотренных в анализируемой ИСГ есть интенции, которые могут реализоваться только на уровне текста. К ним относятся интенции *присягать, принять присягу, взять обязательство, дать обет* и др.

Приведем для примера текст воинской присяги:

«Я, ф. и. о., торжественно присягаю на верность своей Родине – РФ. Клянусь свято соблюдать ее Конституцию, законы, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество».

Таким образом, интенции ИСГ «обещание, клятва» могут быть реализованы различными по степени эксплицитности с точки зрения интенциональной силы и различными по степени распространенности речевыми средствами. Наряду с эксплицитными системными языковыми средствами сюда входят единицы, употребление которых обусловлено не их семантикой, а закрепленной за ними речевой функцией. Таким образом, в актуализации инвариантного интенционального значения, смысла наблюдается широкий спектр варьирования. Различие между вариантами диктуется, в первую очередь, факторами экстралингвистического характера: каждый из них характеризуется своим набором прагматических смыслов, более детально отражающим существенные признаки анализируемой коммуникативной ситуации. При этом явно стремление данных речевых и языковых единиц к полевому структурированию. К ядру, центру поля относятся единицы, которые, во-первых, в полном объеме передают все оттенки интенционального смысла, т.е. могут участвовать в выражении всех его прагматических вариантов; во-вторых, наиболее регулярны и частотны с точки зрения реализации данного интенционального смысла. Нам представляется, что эти полевые образования не подходят ни под одно описание, существующее в лингвистике. Считаем, что для систематизации языковых и речевых средств, связанных с определенной интенцией, уместно говорить о выделении особых категорий – интенциональных семантико-прагматических полей (ИСПП).

Данные полевые образования отличаются от других, известных в лингвистике: ЛСГ, ЛСП, ФСП. Наиболее близко к рассматриваемому понятие «коммуникативно-семантическая группа» (КСГ), введенное в научный обиход Н.И. Формановской. «КСГ – это смысловое системное образование синонимически связанных коммуникативных единиц языка, способных концентрировать и закреплять тот коммуникативно значимый смысл, который отражают речевые интенции говорящих» [15. С. 72]. В основе КСГ лежит определенный коммуникативный смысл, соотносящийся с речевой интенцией говорящего. Следовательно, можно утверждать, что речевая интенция говорящего представляет собой организующую основу КСГ. Конституентами же КСГ являются разнообразные способы выражения данной интенции в контексте реального речевого общения [Там же].

Выделение и изучение КСГ – положительное явление в лингвистике и, в первую очередь, в методике преподавания языков, поскольку позволяет преодолеть некоторую односторонность языковых категорий, таких, например, как ФСП, представляющих лишь потенциальную коммуникативность языка (ср. с высказыванием А.В. Бондарко [16. С. 4–13] о том, что разрабатываемая им разновидность функциональной грамматики – это грамматика категориальная. Ее задача заключается в исследовании и описании системы семантических категорий в их языковом выражении). К сожалению, и в цитируемой, и в последующих работах автора отсутствует детальная проработка структурно-содержательной организации данных образований, не ставится вопрос о категориальном статусе этого явления, о его полевом структурировании, мало проработан вопрос учета экстралингвистического контекста. Перечень КСГ, кроме того, ограничен исследователем в основном рамками речевого этикета: КСГ благодарности, приветствия, прощания, извинения и пр.

ИСПП – многоуровневое образование с иерархически организованной структурой. Многомерность его зависит от сложности выражаемого им интенционального значения и разнообразия средств его речевой реализации. Оно может (чаще всего это так и происходит) распадаться на макрополя, которые соотносятся с основными подгруппами ИСГ определенной интенции. Так, например, ИСПП анализируемого речевого акта распадается на несколько макрополей – собственно обещание, макрополе клятвы и макрополе договора, каждое из которых, в свою очередь, распадается на микрополя его прагматических вариантов. Эти микрополя можно также охарактеризовать как минимальные интенционально-прагматические объединения с единством формы и содержания. Количество микрополей, обусловленное степенью сложности содержательной организации соответствующего макрополя, будет различным, однако каждое из них, представляя собой единство родового и видового, обладает в то же время относительной самостоятельностью. Так, например, в макрополе собственно обещания можно наметить микрополя: обещание-гарантия,

обещание-ручательство, обещание-зарок, обещание-клятва 1, заключение пари. В поле клятвы входят микрополя: клятва 2, уверения, клятва-присяга, клятва-обет. Поле договора включает в себя микрополя: договор, контракт, соглашение, перемирие, сделка, сделка 2 и т.п.

Таков в общем виде речевой портрет коммуникативного акта «обещание, клятва». Конечно, представленные выше соображения не претендуют на полноту решения проблемы. Не до конца рассмотрен, например, лингвокультурологический аспект реализации данного жанра. Интересным также представляется анализ функционирования речевого жанра «обещание, клятва» в сопоставительном аспекте.

Настоящая работа проводилась в рамках создания интенционально-коммуникативного словаря, который находится сейчас на стадии завершения.

Литература

1. *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5.
2. *Галлямова Н.Ш.* Интенционально-семантическая группа как один из способов описания интенций // Проблемы современной лингвистики: коммуникативно-функциональное описание языка. Уфа: БГУ, 1999.
3. *Галлямова Н.Ш.* Речевой жанр «объяснение, признание в любви» (семантико-прагматический аспект) // Русистика сегодня. 1999. № 1–2.
4. *Галлямова Н.Ш.* Die lexikographische Beschreibung intentionaler Lexik der russischen Sprache zu Lernzwecken // Sprache, Literatur und Lfndeskunde slavischer Volker: Funktionale Aspekte in der Beschreibung und Didaktik / Wolfgang Boeck (Hrsg.). Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1994 (Hallesche Sprach- und Textforschung; Bd. 3).
5. *Галлямова Н.Ш.* Научно-теоретические основы коммуникативного (интенционального) словаря / Человек – Коммуникация – Текст. Вып. 1. Человек в свете его коммуникативного самоосуществления / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 1997.
6. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. I–XVI. 896 с.
7. *Стернин И.А.* Коммуникативная концепция семантики слова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.
8. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // НЗЛ. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17.
9. *Падучева Н.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью // Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985.
10. *Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых жанров // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
11. *Шмелёва Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.
12. *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
13. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // ИАН СЛЯ. 1986. № 3.
14. *Красина Е.А.* Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.
15. *Формановская Н.И.* О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях // Русский язык за рубежом. 1986. № 3.
16. *Бондарко А.В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 4–13.

SPEECH ACT «PROMISE, OATH» IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: LINGUISTIC-CULTURAL, FUNCTIONAL-PRAGMATIC ASPECTS
Gallyamova N.Sh.

Summary. The article gives a detailed functional-pragmatic analysis of speech act «promise, oath», which includes the review of the semantic and pragmatic rules, following which is the guarantee of the successful realization of the speech act. Some aspects of national-cultural specifics of this act are reviewed.

Key words: speech act; intention; illocutionary objective; intention category; intention-semantic group; intentional semantic-pragmatic field; functional-pragmatic analysis.